

г. Фергана

5

В НЫНЕШНЕМ году общественность нашей республики отметит 100-летие со дня рождения выдающегося мастера циркового искусства, народного артиста Российской Федерации и Узбекской ССР Ташкенбай-ата Игамбердыева (1866—1966). Сегодня мы предлагаем вниманию читателей документальный очерк журналиста и искусствоведа Тулкуна Абидова, который работает над книгой «Мастера узбекского цирка».

ЕСЛИ СКАЗАТЬ, что Ташкенбай Игамбердыев 85 лет своей жизни провел в цирке, то недоверчивый читатель улыбнется и, видимо, подумает про себя: «Не может быть». Но это действительно так.

85 лет на манеже... Почти целый век! Да, это поистине завидное долголетие в цирковом искусстве.

О Ташкенбае-ата мне довелось слышать много: о нем ходили легенды. В Андижане и Фергане, Коканде и Маргилане, Саратове и Куйбышеве, Баку и Душанбе, Ленинграде и Москве — всюду

о его выступлениях отзывались с восхищением, удивлялись столь опасным и головокружительным трюкам, которые выполнял канатоходец.

И вот мне захотелось рассказать о его жизни и трудной профессии.

ОДНАЖДЫ я вошел в небольшой дворик (что находится в Ташкенте, ныне по улице Ташкенбаева) и увидел на большой деревянной кровати худощавого старика в темно-зеленом халате, накинутом на плечи.

— Ассалам алейкум, ата! Я к вам. Не помешал?

— Очень хорошо, сынок! Всегда рад гостю. Пожалуйста, приходите. — вежливо пригласил он меня на тахту.

Ташкенбай-ата налил в маленькую пиалу зеленого чаю, разломил лепешку. Спросил:

— Что привело вас в мой дом?

Когда я поделился своими мыслями, Ташкенбай-ата задумался.

— Расскажу вам про свою жизнь, про тех, с кем мы выступали, о том, как узбекских дорбозов узнал весь Советский Союз...

Несколько дней подряд за-

писывал я летопись жизни старейшего канатоходца нашей страны. Вот этот рассказ...

...ОТЦА МОЕГО звали Игамберды, но в народе в то время он был известен под именем Ходжи-дорбоз.

Жили мы в Асаке (ныне г. Ленинск), недалеко от Андижана. Наш кишлак был известен на весь Туркестан и даже за его пределами, потому что считался родиной дорбозов.

Как-то отец посадил меня на плечи и прошелся раза два по канату. Сейчас смешно вспоминать, но когда отец, спустившись, поставил меня на землю, вид у меня был та-

тузизм, который принесла революция. Хотелось работать больше и лучше. Наша группа, как и другие дорбозы, выступала в городах и селах на революционных праздниках. Один поэт сочинил песни о Ленине, которые мы распевали перед началом выступлений.

В 1924 году мой старший сын Кадыржан ушел добровольцем в Красную Армию. Об этом узнали басмачи и решили отомстить. Распростившись с сыном в Ходженте (ныне Ленинабад) и закончив там гастроли, я возвращался домой, в родной кишлак. Но все дороги захватили басмачи, среди которых многие хорошо знали меня в лицо. Остановили, забрали лошадь, сняли халат, сапоги, связали руки. И курбаша приказал на рассвете меня расстрелять. Однако, когда стемнело, послышались выстрелы. Басмачи бросили меня и удрали, потому что красноармейцы уже настигали их...

В 1942 суровом и тяжелом году, по рекомендации секретаря ЦК Компартии Узбекистана Усмана Юсупова, мне и Кариму Зарипову довелось создавать узбекский цирковой коллектив. А осенью 1943 года коллектив уже выехал выступать перед строителями Фархадской ГЭС.

Дул холодный беговатский ветер, доходивший до семи-восьми баллов. С трудом мы на открытой площадке разбили легкий «шашито» из материи, брезента и досок. Однажды, когда я работал на канате, «здание» наше сорвало ветром и далеко унесло в сторону. Однако выступление продолжалось. Мы знали, что наше искусство нужно строителям. Мы знали, что помогаем людям. Усталые, продрогшие, возвращались дорбозы в землянки и, зарывшись в солому, засыпали мертвым сном. Часто землянки после проливных дождей протекали. Но никто не жаловался.

Кроме основной программы, мы, разделившись на группы, давали концерты в госпиталях перед ранеными бойцами и в воинских частях, уходящих на фронт. Помню, мои товарищи Ниязов, Гуламов, Самохвалов, Фагриддинова, Ульянов (Палсин), Азисхан и другие давали по 70—80 концертов в месяц.

Летом 1944 года наш узбекский коллектив в составе 75 человек приехал в Москву. Мы показали цирковую программу в трех отделениях. Наше выступление вылилось в демонстрацию дружбы народов страны и имело большой успех.

ПРОЩАЛЬНОЕ мое выступление на канате было уже после войны в столице братской Киргизии — городе Фрунзе. Тогда мне шел семьдесят первый год. Я был художественным руководителем Ташкентского государственного цирка и лишь в 90 лет ушел на пенсию.

— Вот, сынок, такова история жизни старого дорбоза, — закончил свой рассказ Ташкенбай-ата Игамбердыев, народный артист РСФСР и Узбекской ССР, учитель многих видных ныне мастеров советской цирковой арены.

НО ЗДЕСЬ мы не поставим точку. В тот момент, дорогие читатели, когда вы держите в руках этот номер газеты, диалог Ташкенбаевых продолжает свою славную летопись. Узбекский цирковой коллектив под руководством народного артиста республики Абиджана Ташкенбаева выступает в больших городах страны. А группа под руководством внука Ташкенбай-ата Камальджана ездит по городам и селам Узбекистана, по соседним среднеазиатским республикам.

ТУЛКУН АБИДОВ.

г. Ташкент.

РАССКАЗ СТАРОГО ДОРБОЗА

О НАШИХ ЗНАТНЫХ ЗЕМЛЯКАХ

ной жалкий, что глядя на мое бледное лицо, он погладил меня по бритой голове и сказал:

— Ничего, привыкнешь. Со мной в первый раз было еще хуже...

Так и случилось. Через год, примерно, мы уже выступали в паре с отцом.

Я ПОСВЯТИЛ себя ремеслу отца не случайно. В старину бытовал обычай, что дорбозом может стать только сын или внук дорбоза. Редко кто из родителей отдавал нам в руки своих детей — уж очень опасная профессия.

А зрители любили выступления маленьких артистов. Они давали большие сборы. Но и несчастные случаи тоже были нередкими спутниками нашей профессии. Помню, как-то в Маргилане выступал один дорбоз со своим сыном. Мальчик был стройным, чернобровым, легким. Он красиво выполнял сложный номер на канате. И вдруг, потеряв равновесие, ребенок с большой высоты упал на землю. Разбилась насмерть. Потом оказалось, что это девочка. Не было у старого дорбоза сына и он обучил своему ремеслу дочь...

Теперь уже нам не в диковинку, если в цирке выступают узбекки-канатоходцы. Кстати, одной из первых была моя невестка Марьямхон Фахридинона, ныне заслуженная артистка Узбекистана. Неплохо выступает и моя ученица Замира Мадалиева. Показывают свое мастерство на канате внучки Доно и Мамлякат Ташкенбаевы.

...ШЕЛ я однажды по улице, задумался и не заметил тысячного, проходившего мимо. Рассвирепев, он приказал отвести меня на конюшню и высечь, чтобы впредь «научился уважать власть». После этой порки пролежал я несколько дней, а когда спина немного зажила, приказал мне тысяцкий служить у него.

Хотя я и ходил рядом с ним с саблей на боку, считаясь его телохранителем, но фактически был слугой: чистил одежду, обувь, смотрел за конем, подносил трубку-чилиим. Конечно, жалованья мне никакого не платили.

Когда прошел год, я попросил освободить меня.

— Ну, что, дорбоз, научился уважать власть? — спросил он, ехидно улыбаясь. Но все-таки отпустил меня.

КОГДА свершилась Октябрьская революция, мне было уже за пятьдесят. Полвека осталось там, в нищенской жизни.

Нас всех захватил тот эн-